

LETTERS FROM ALEXEI REMIZOV||

The following thirty-four letters of Alexei Remizov, spanning a decade (1943-1952) and written to Natalya Reznikova and members of her family and to Antonina Ryazanovskaya, as well as the excerpts from the autograph album of Serafima Remizova-Dovgello, his wife, are in the private collection of Natalya Reznikova who kindly gave permission to print them.

Remizov frequently drew attention to the bitter ironies of fate, the strange coincidences that touched and often scarred his life. This correspondence brings to light one that he seems not to have noticed. In 1943 upon the death of his wife, Remizov, living in Nazi-occupied Paris, began writing regularly to Natalya Reznikova, who, with her extended family, was spending the wars years on the French island of Oléron on the Atlantic Ocean. The two constants in his letters are his keen appreciation for the food he received from her and his regular reports on his work-in-progress. His benefactors, concerned with his health and interested in his work, were Natalya, her twin sister Olga Andreeva, her younger sister Ariadna Sosinskaya, and her mother Olga Kolbasina-Chernova, the very family that had known of him and his plight in Petrograd in the cruel winter of 1919. It was at that time that Olga Kolbasina-Chernova, living with her three daughters in Saratov and awaiting news from her husband in hiding, Viktor Chernov, a leader of the Socialist Revolutionary Party, wrote a letter to Remizov.* She told him of the food she had sent, and she described her youngest daughter's enthrallment with his tales and with him as a "wondrous mysterious creature" whose fancifully decorated walls she longed to see. Remizov's correspondence with Reznikova records the enduring personal and professional interest in him of the Kolbasina-Chernova family: the three little girls raised on his tales in *Posolon'* had grown to adulthood and were translating his works into French and editing and publishing them in Russian.

Remizov's post-World War II correspondence with Antonina Ryazanovskaya continues these same themes: his gratitude to her for her material aid to him and his even less well-off friends and his discussion of his writing projects as well as his encouragement of hers. Here too old family ties come to the fore: he writes of his memoirs where he acknowledges his indebtedness to her brother-in-law Ivan Ryazanovskiy of Kostroma who appears as the "bibliophile" in *With Clipped Eyes*.

*IRLI, f. 256 (A. M. Remizov), op. 1, ed. khr. 116, l. 1. (Grants from the International Research and Exchanges Board afforded the opportunity for archival research in Moscow, Leningrad, Prague and Paris, which made possible this publication.)

The portrait that emerges of Remizov, grieving for his wife, periodically interrupted in his work by the Allied bombing of Paris, working ceaselessly for what seemed could only be posthumous publications, is arresting. In addition to the devotees who corresponded with him during the war and those who were to visit him later, Remizov had at his side the notebooks of his wife which remained for him a living memory of the circle of friends that had been an intimate part of their lives in St. Petersburg, Berlin and Paris and which served as source material for his many volumes of memoirs.

Sona Aronian

ПИСЬМА Н. В. РЕЗНИКОВОЙ

1.

4/VI/1943

Дорогая Наташа!

Перешел на бурду. Но не забыл — два дня пил настоящее. Едва доплелся до кладбища. Теперь это сложно. Положил на могилу белую ромашку — солнечные блестки. Завтра суббота, жду Д. Г. — еще передам ему для хозяйства, пробовала С. П. вышивать, но ничего не вышло. А последнее — затеяла штаны шить и получилось что-то несообразное. А самое последнее: распутывала клубок белой шерсти. Всякое утро читала Евангелие. Выучила всего Блока. Вставала она в 12, в 1, а иногда в 2. Я ее кормил и поил. И она засыпала. Просыпалась в сумерках. К этому у меня было готово. После еды за „чаем” я читал. Но последнее время не удавалось. Ведь это было 10-11-ый час. Укладывал спать. Раздевал, как „дете”. Начиналось самое мучительное: ночь — каждый час она просыпалась и каждый час я закутывал ее в 3 одеяла. Понемногу все и все отходили. Она собиралась написать всем вам, и Оленке отдельно, но уж не могла. Кротость и покорность. Но ее последняя молитва (в бреду) меня поразила: ластный голос. Доктор мне написал, что с ночи 12 на 3. Она не произнесла ни одного слова, и умерла от *hémoagie ségébrale* (смертью ученых). Так умер и Мережковский и Трубецкой, но конец у них, т.е. приближение смерти другое. Да, отошла и Пасха. Я не напоминал: ничего не было. И только поварово яйцо — единственное — тронуло ее: обрадовалась. Я тихонько спросил: „не холодно ли?” „Нет,” сказала она и открыла глаза, но не узнала меня. Все отошло. Я постоял и пошел, боялся разбудить.

А. Ремизов

По словам доктора, она и не проснулась.
(Все это я пишу в самых общих чертах, но ведь всегда столько всего в подробностях: кто как умирал)
Всем кланяюсь. Очень устал.

19-20/IX/1943

Дорогая Наташа!

Спасибо: 2 яйца и коз-сырок получил.

Я знаю, не стоит посылать заказным. Не могу еще оправиться после исследования: рябит. Как я и не думал уехать куда-нибудь. Скоро будет готов крест. А я закончу переписывать. Но вот надумал еще 5-ую главу вставить „интермедию”, значит еще писать новое. Что-то похоже получается на „Взвих. Русь”, только тут „Европа”.

Пятый месяц с утра до 12-и ночи. Напишу вам и лягу, буду читать. Я в „кукушкиной”. Вчера было два алерта: около 12 дня и около 7-и вечера. Паника. Только об этом и говорят. Но это у нас в конце ХУ1-го, наверно и во ХУ-ом. В 91 по нашей, Шмелев живет, попала бомба (Шмелев уехал).

Алексей Ремизов

13/X/1943

Дорогая Наташа!

Спасибо, получил две коробки с сыром. Сейчас у вас страда с экзаменами и я не думал — неожиданно, но завтра Покров и я всегда что-нибудь получал. Переписывать кончил. Кончаю „интермедию”, которая не обязательна. Сегодня 5 месяцев. И видел во сне: очень плачет, что умерла и показала, как умерла. Не все помню.

До сих пор не готов крест. Сейчас туманы и стало тепло, а пойдут дожди — очень трудно на кладбище.

Е. Д. Унбегаун достанет машинку и я отдам переписывать: это много — 3 тетради. Она перепишет 2 эк. И я еще раз (5-ый) буду правлять.

Зябко и нельзя электричеством, сию в таком зеленом пальто с собачьим мехом, Вы помните у Серафимы Павловны.

Алексей Ремизов

2/12/1943

Дорогая Наташа,

Спасибо и за сыры и за алое, поило.

Какой-то странный алерт бесконечный

Переписывается 2-ая тетрадь, я думаю, через неделю и 3-ья будет готова. 1 экз. я передам Д.Г., а другой в NRF.

Отделяваю „Чаромутие” (интермедию). Только не знаю, не стоит и приложение к книге. Пока все пишу с настоящими именами.

Затопили, но я все-таки кутаюсь: несет от окна. И дремлю. Это самое ужасное.

Д. Г. передам серебро и игрушки на елку.

Алексей Ремизов

25/I/1944

Дорогая Наташа!

Спасибо за сыр. Вот мне и будет на завтра еда. По вторникам овсянка, а среда стала сырной. Это значит, устроиться с продовольствием. Но я и прошлый и за прошлый раз хотел вам написать, не черезчур вы меня едой помните, боюсь, отнимаете от себя. Если алерта не будет, думаю закончить сегодня последнюю главу „объяснение”. Все называется „За зеленой оградой”, по размеру меньше „Розового блеска”, да так оно и должно быть. Ждал в субботу Д. Г.

Алексей Ремизов

9/II/1944

Дорогая Наташа!

Спасибо за сыр и ванильный кофий.

Колбасу сегодня доел после алерта, а сейчас сыр. Не унимайте

у себя вашу кофейную долю, мне так всегда стыдно, — холодно; это слово от холода стыд

студ (по славянски)
студеный „студныя дела”
стужа
а отсюда туга-печаль
и туча-темнота
„Г” перелединев „Г”
„дж” —” — „ж” „Г”

Серафима Павловна подробно и „научно” могла бы рассказать о этих превращениях, а я ведь ничего не смыслю, только люблю слово.
Все жду Д.Г.

Алексей Ремизов

7.

15/III/1944

Дорогая Наташа!

Спасибо. Сыр, колбаса, 2 яйца, и сразу набросился: Я очень слаб. В субботу вечером нагнулся (через силу, очень устал) и пошла кровь из носу. И в воскресенье и в понедельник во время алерта. Остановил антилирином.

Я не все разбираю, в субботу увижу Chuzeville’я, он разберет и пришлю вам стихи Нерваля: пером две строчки или четыре надо подписать, скажу точно, где говорю о Нервале „В розовом блеске”.

Чтобы не нагибаться, мало писал, а читал.

А алерт кончился гудеть на одной ноте.

Алексей Ремизов

8.

20/III/1944

Дорогая Наташа!

Спасибо, сегодня получил сыр и сыр (так пишу потому-что пакет тек).

В 1ч. гл. У1 Катастрофа

где описание ночи и говорится о Нервале

.... взвихрившись, звенел и сквозь крут, кровь, звон я различил ритм Нерваля:

Je suis le ténébreux,—le veuf,—l’inconsolé,
Le prince d’Aquitaine à la tour abolie:
Ma seule étoile est morte; et mon luth constellé
Porte le soleil noir de la mélancholie.

И в зеленом зазмеившемся кольце взблеска — Вестрис, Дюпор и т.п. вместо „а”.

Сегодня был очень тяжелый день. И не пришлось писать: с 9-2 ч. 3-и алерта — только-только приноровишься, и опять сирена. Все мысли перепутаны.

Буду ждать Д. Г.

Алексей Ремизов

9.

3/4/1944

Дорогая Наташа!

Весна пришла вчера. Вдруг теплый воздух. А сегодня дождик пошел: он всегда идет за теплым. Отворил все окна.

Два дня поправлял „Очарование”. Будете читать, исправляйте ошибки. Я совсем плохо вижу и при лампе сливаются буквы.

Д. Г. обещал зайти за рукописью. Ему я и корзиночку передам: все яйца дошли в целости. Спасибо. Достану Добролюбова, чтобы прочитать о Колбасине. Он написал о Мартынове, такой был замечательный русский человек.

Есть вещи непоправимые, я на себя это так знаю. Ведь можно было бы в революции издать статьи Колбасина. Теперь бы имело это значение, когда вспоминают о русских людях.

Д. Г. показывал карточку Наташи, старая: 10 лет назад, но все-таки видно: глаза Серафимы Павловны, а губы мои.

Алексей Ремизов

8/V/1944

Дорогая Наташа,

Спасибо. Получил грудинку и лук. Боюсь, что не так сделал „со-слепу”: я сварил. Ну, ничего. Был Д. Г. Рукопись он вам сегодня отправил.

Кончил „Кикимору” — последний рассказ в Северных Афинах. Если Е. Д. Унбегаун перепишет, отдам в субботу Д. Г., он придет на панихиду: пасхальная будет, и для меня будет петь Денисов знаменным распевом: „Ангел вопияше”.

Конечно, может всегда задержать в дороге алерт: вчера 4 (не считая ночного). Не могу вставать в 7-6, не слышу будильника, такая усталость. Панихида в 5 ч у нас, у Знамения.

Алексей Ремизов

15/I/1945

Дорогой Даниил Георгиевич!

Так я и не выхожу на волю, сейчас температура упала: утром 35.8. Слабость последняя. „Тэрм” удалось заплатить и по электр. счету теперь до апреля.

Был Maugé (Ed. du Chêne) 16 place Vendôme

Я вам рассказывал: Maugé и Lejard, они выкупили мою книгу в Balsac'e и готовы *издать сейчас же* и дать мне денег. Бумага у них „люксовая”, с.б. могут издать „люкс”. А для этого надо несколько моих картинок.

Я Maugé говорил о вас. Ему надо выбрать — и все будет сохранно, а не запачкают.

Если можно, принесите альбомы — что возможно. Я думаю, что из „Бесноватой” он возьмет ее портрет. Напишу и Чижову. Ведь не больше 10-и понадобится.

Видите, какими чернилами пишу. Очень тяжело не выходить 15 дней. А просить я стесняюсь.

Наташе так и не написал. Очень тяжело было.

А. Ремизов

4/IX/1945

Дорогая Наташа!

В субботу ваши именины. Поздравляю. Застанет ли вас это мое письмо на острове.

О первопечатнике и Аввакуме Оля взяла, я не успел дать несколько страниц — пропущены в П. Н.

О Федорове перевод есть. Будет издана маленькая книга. А из Аввакума я взял „огонь” для другого, не помню, как называется, и это войдет в “Les Yeux tondu” как и „Слепец” и то, что Оля переводит. Я найду и дам вам, попробуйте перевести. Это ускорит издание. Жду вас.

А. Ремизов

Слышал от Оли, что Федор Степаныч (Андрюша) уже возгнездил и выводит блох с Емельяновым.

2/1/1946

Дорогая Наташа!

Получил сейчас от Прегель письмо: 27/XII/45. Она просит поскорее, п.ч. мое о Пришвине всего 2 страницы. Я и не знаю, как поступить: может, не переписывая на машинке, послать? Спросите Василия Васильевича.

Вчера была Людмила Николаевна, рассматривала объяснения к моему Priscol'ю: там есть снотворное, вот отчего и в „смертном виде” и не могу смотреть в глаза — все время клонит и клюю носом.

Эти пилюли для расширения сосудов.

От холода остановилась „Кукушка”.

Вчера были волки. Доем сегодня вашу котлету.

Жду вас.

А. Ремизов

20/V/1947

Дорогая Наташа!

Что это вас смутило? Я чувствую. И ваше письмо грустное с глубокой затаенностью, что, м.б. и в словах не выражается.

Вчера, понедельник, ждал Олю. Да холодно ей, не достать. Оля ведь ангел Божий. И как еще она держится! при таком ветре.

Собрался сегодня ехать на Комарове в консульство. Бабушка-верховая подсунула записку: по такой погоде не можно сыскать Комарова.

И это лучше, я совсем замерз. А к субботе и лето придет, тогда и поеду.

Объяснили ли вы Кандинской мое положение:

- 1) что меня печатают в Пасху и в Рождество
- 2) и печатают с натугом из милости
- 3) что в Рус. Нов. есть художеств. критик Малянтович, а меня с *моим художеством* никогда не напечатают, а в „Патриоте” была статья, не помню кого, и другую, конечно, не примут.
- 4) что вообще надо забыть, что я пишу: везде мое не подойдет. Есть *Новосел* — но там от моего задохнуться в пору.
- 5) Для отзывов надо таких, как Бахрах, Руманов.

С Марком Львовичем приезжает Ребусова: вот кому писать.

Деньги я еще за Достоевского не получил. И где-то в исподе поднялись сомнения: получили?

Приходите как прежде

А. Ремизов

15.

31/VI/1947

Ангел мой
хранитель
Наташа!

Если бы Вы знали, как я вас ждал в эту среду. А написать не мог: как бывает: ну никого.

Две ночи не мог заснуть: мне принесли для подписи 30 экз.

не могу разобрать имен

———” — снять ленту

и надо разрезать

как крот на солнце, так я лапами.

Жду. Поедемте к Серафиме Павловне.

А. Ремизов

16.

8 сен. 1947

26 авг.

Дорогой мой ангел хранитель

Наташа

отлетевший в шары-бары пустое место
с ангелом-с именинами.

Сейчас отделяваю для вас альбом „живые мне — мертвые цветы” с предисловием.

Это память Серафимы Павловны.

У „Пузыря” нет белого клея, я просил „Nonne” достать мне, в субботу получу и закончу.

С этой субботы начинается сезон вечернего-после еды-томления.

Никаких денег я не получил, хотя „Идиот” вышел. И от Шаривари нет ничего, и от Шануана нет и не будет (он доверил какому-то приятелю, а тот не удержался и истратил: это за *Взвих. Русь* 20.000 фр.

Nonne бунтует: собираю подаяние: дал Вадим перед отъездом 400 фр., повар Ив. Ив. (фамилию не знаю) 200 фр. Карский — 1000 фр. Сувчинский — 500 фр. Прямо безобразия, о котором твержу, не переставая.

Сейчас у меня одна надежда на испанку (кубнику): но я знаю, все увлечения мгновенны. Сейчас она уезжает на несколько дней в Италию, а в ноябре в свою южную Америку. Она чуть постарше Мауге, но изсушена сверхсильными мыслями. Появилась она через „Крестовые Сестры” и „Канаву” (не издано, в роде Крестовых Сестер). Стало быть, несет в своем сердце мою жгучую тоску и мою боль, но никакой моей веселости, а это и опасно.

Надо будет непременно собраться на кладбище. Осень идет, пойдут дожди. Надену я свои шкурки и затаюсь у стола.

Мне кажется Вам плохо там. Во всяком случае, было плохо.

А. Ремизов

8/IX/1947

Дорогая Наташа!

Сегодня ваши именины. Дошло ли мое письмо: опустил в четверг на ваш здешний адрес.

Конечно, можно: дерево древнее ведь древний
от дерева
не без игры слов,
но это ничего не значит.

„Утро туманное”. Не хочется выходить. А придется: нет папирос. Из „Кочевника” мне остается „На мельнице” — ночь перед рождением. Откладывал, а теперь взялся, не легко.

Привожу в порядок комнату. А то ничего не нахожу. Копнул вырезки и там оказался мой несменяемый черный галстук. Очень обрадовался. Вторая очередь отъезжающих. И вчера торчал только Чижов и Диомед (совет Божий) из „Патриотов”. Все разговор о вечере, мне посвященном, с моим участием.

На прошлой неделе два скандала: один на кухне, другой в моей комнате. Но все уладилось. Если бы я говорил по-испански и по-французски, все бы прошло гладко. А из-за вавилонского столпотворения очень было тягостно.

Буду ждать Вас черной. Черные уже появились: Варшавский. Маслинами питался Утенок. А я не помню, м.б. вкус безразличный, как белый сыр.

Указатель на листках кончил с Ольгой Елисеевной. Теперь надо переписать на лист. Жду Ауку. Она придет раньше вас.

Дождик прошел. Пойду.

А. Ремизов

15/X/1948

Дорогой мой ангел хранитель
Наташа!

За Серафиму Павловну кланяюсь вам.

Подумал: а меня, когда придет срок, то С Ж Е Ч Ъ.

Жду во вторник вечером. (18-20) Я думаю, ни сорокина ни вороника не будет.

Я хочу вас спросить, спрашивали ли вы?

Все эти дни с субботы было очень безпокойно. И сны были „не человеческие”. И потом день бродил из комнаты в комнату.

А. Ремизов

21/X/1947

Дорогой мой ангел хранитель
Наташа!

Во мне все поет, через музыку — верный путь ко мне. Я вам и явился и Даниилу Георгиевичу.

Замерзаю изнутри, это склероз. И, как говорил вам, вдруг наплывает на меня „отчаяние”.

Неделя прошла отчаянная: стали мне сниться рыбы, а есть нельзя (пробовал), надо вымыть и снять чешую, но вымыть негде: все заперто.

Изнывал без сахару. Только привезла Кодрянская, и сахарин позабыл, такое никогда не вспоминается.

Свое надоело. Надо было прочитать Прегель о Достоевском, никакого нет желания. „Разстрел” написал.

Все подбираюсь, словно в дорогу собрался. Только успеть — еще много на очереди не сделанного и что пересмотреть.

Надо, чтобы Вы приехали когда-нибудь с Даниилом Георгиевичем, я передам вам, хоть часть, из архива Серафимы Павловны. Копия у меня останется.

И опять я получил письмо от Priel'я: дополнение имен к *Вз. Рус.* Один не могу. Надо разобрать билетки. А по ним — хронологию.

А главное, что все это зря.

Нет ли у вас переплетчика: необходима переплести „Плачужную канаву”.

Было 9 массажей. Елена Евгениевна Мамченко поправила мне грелку, но не надежно: надо каучук.

Непостижимо много белья.

Натирал пол, голова не закружилась, но уж очень ослабел и тыкался молью, зато все блестит.

Увидите.

Алексей Ремизов

20.

11/VI/1950

Дорогой мой ангел хранитель Наташа!

Телефон Анны Морисовны Елькан: Саз 19-61

Надо спросить ее: будет ли столик продажи книг? Кому передать Оплешник? В день вечера *или накануне?*

Ведь мы приедем, как сказал Летучий мышь в 1/2 10 не раньше. Комаров обещал привезти несколько экземпляров.

21.

23/VI/1950

Дорогой мой ангел хранитель Наташа!

Пишу на последнем листке

Строю книгу о Серафиме Павловне.

Не хватает *Новоселье* 22-23 (1945) „Чудеса в решете”

26 (1946) „Чаромутие”

27 (1948) „Чародеи”

(Прегель не может дать, т.к. книги на складе, а до склада она не может добраться)

Опять разговор о французском, а у меня один экземпляр 22-23, 26, 27-28

Может, есть у Вас. Вас. в завале.

Начинается отъезд.

Первый пришел прощаться Зайцев.

Когда кончатся экзамены у Андрюши Чижов повезет на кладбище — летнее свидание.

А. Ремизов

Не забудьте из газеты, где Андрюша. Я клею в альбом Оплешника.

22.

20/VI/1950

Дорогой мой ангел хранитель Наташа!

Заходил днем Maugé: в субботу Лира не придет: Если можно, приходите — 24-ое.

Крутиков (Ed. géunis) предлагает дать ему 20 экз. Оплешника. Расчет через каждые 3 месяца.

Я думаю, следует дать.

Одно меня смущает: 20 экз. — как вы их донесете до меня. А к Крутикову я отправляю африканского доктора в понедельник 26-го.

Анна Дальняя на зуб не соглашается и на „Скоропею” Дура! не слышит слова.

Советую назвать

ЛУКОПЕР

В субботу был швед Nils A. Nilsson, пил чай и съел все пирожки. А вечером никого.

Швед большой, тихий: его поразили стены с конструкциями и как я чудно говорю по-русски — он привык к другой интонации.

О вас спрашивал. Я сказал, что в следующую субботу.

„Очень неприятно, но я уезжаю 23-го в Лондон”.

Вот видите, какой он внимательный. Напишите Оле, как о вас „Швед спрашивал”.

От Лисьевны нет письма.

А. Ремизов

23.

/Письмо О. В. Андреевой/

12/III/1951

Дорогой мой ангел хранитель

Оля

Вадим

Саша!

Скоро выйдут *Бесноватые*.

Надо кончать с *Ихнелатом*. У Каплана продано 35 эк и остается 5. В других магазинах ничего не продано. В „кукушкиной” продано 15.

У вас за океаном 20. Отдано ли в магазин при Н.Р.С. или оставшиеся лежать?

Если вам в магазин неудобно, я бы попросил Иосифа Левина отнести.

С платежами трудно: не знаю точно, но кажется, за *Ихнелата* внесено не все и есть долг.

О *Бесноватых* боюсь и думать. Обещал Якобсон, ничего не вышло и только мои 50 тысяч (гонорар за французскую Олю), а этого мало. Мне обещали за „Подстриженные глаза” в апреле, но книга будет готова только к вашему приезду и за корректуру вычитут 20 тысяч (по слепоте не могу).

К ничего не может, своих денег у нее нет.

+ + +

Сижу на Бове. Пищу 111-ью часть. Есть для меня особенно трудное: „поединка” — никогда ни с кем не дрался.

Последствия моего „огня”: хуже стал видеть и волчий голод. К вашему приезду наемся, а буду ли видеть лучше?

Олечка была раз. И не приходит, съела обещанные орехи.

А. Ремизов

NOTES

Letter 1

Д. Г.—Daniil Georgievich Reznikov, Reznikova's husband, is referred to throughout as D. G. and is the addressee of Letter 11.

С. П.—Serafima Pavlovna Dovgello-Remizova (1876-13 May 1943), Remizov's wife of forty years.

Блок. The Remizovs were close to Alexander Blok (1880-1921) and his wife Lyubov. See ALEKSANDR BLOK: NOVYE MATERIALY I ISSLEDOVANIYA, Moscow: Nauka, 1981, Literaturnoe nasledstvo, vol. 92, no. 2, 63-142.

Оленка. Olga Viktorovna Chernova-Andreeva, Reznikova's twin sister, is referred to in other letters as Olya. She is the author of COLD SPRING IN RUSSIA, Ann Arbor: Ardis, 1978, a volume of memoirs.

Мережковский. D. S. Merezhkovsky (1865-1941) and his wife Zinaida Gippius (1869-1945) had a markedly paternalistic friendship with the Remizovs in pre-revolutionary Russia. Politics separated them in Parisian emigration.

Трубецкой. N. S. Trubetskoi (1890-1938), the famous scholar whom Remizov knew in the 1920s as a member of the Eurasian movement which viewed Russia and Asia as an integral ethno-geographical and cultural unity.

Letter 2

«интермедия». Remizov referred to chapters-in-progress from his volume of memoirs, MYSHKINA DUDOCHKA, Paris: Oplshnik, 1953, as “intermediia.” Reference here is to “Charomutie” which was published in NOVOSEL'E, no. 26 (April/May 1946). The memoirs deal with Remizov's years in Paris during World War II.

Взвих. Русь. VZVIKHRENNAIYA RUS', Paris: TAIR, 1927, is Remizov's volume of memoirs covering the revolutionary and civil war years in Russia.

«кукушкина». The “kukushkina” (cuckoo) was Remizov's study, nicknamed after the cuckoo clock in it which had arrived as a surprise gift from friends vacationing in Spain.

Шмелев. I. S. Shmelyov (1873-1950), novelist and short story writer.

Letter 3

Покров. “Pokrov” is the Festival of the Intercession of the Mother of God. Remizov's correspondence and works frequently mark dates by Church holidays.

Е. Д. Унбegaун. Ekaterina Davidovna Unbegaun, stepmother of the well-known scholar Boris Unbegaun, typed many manuscripts for Remizov. He refers to her later by her nickname “Verkhovaia babushka” (the “Supreme Grandmother”E. She appears as the “Polovganka” (Polovetsian) in MYSHKINA DUDOCHKA.

Letter 4

NRF. LA NOUVELLE REVUE FRANCAISE. The selections from MYSHKINA DUDOCHKA referred to here did not appear in NRF.

Letter 5

«За зеленой оградой». “Za zelenoi ogradoi” became the subtitle of “Skvoz' ogon' skorbei,” the last part of Remizov's semi-fictional biography of his wife entitled V ROZOVOM BLESKE, New York: “Chekhov,” 1952.

Letter 7

Chuzeville. Jean Chuzeville, whom Remizov met in Moscow in 1904, translated a number of his works into French, including the volume of stories SENTIERS VERS L'INVISIBLE, Paris: Editions du Chêne, 1945.

Letter 8

Je suis...—opening lines of the poem “El Desdichado” by the French romantic poet Gérard de Nerval (1808-1855).

Letter 9

«Очарование». “Ocharovanie” was published in NOVOSEL'E, no. 22/23 (Nov.-Dec. 1945) and MYSHKINA DUDOCHKA.

Колбасин. Elisei Yakovlevich Kolbasin, nineteenth-century literary critic and Reznikova's maternal grandfather, wrote a book on I. I. Martynov (1771-1833).

Наташа. Natasha Alekseevna Remizova (1904-1943), Remizov's daughter. Natasha did not accompany her parents abroad. She died in Kiev on October 13. Her son, Boris Bunich-Remizov, still lives there.

Letter 10

«Кикимора». "Kikimora" is likely the original title for "V syrykh tumanakh" where the Kikimora, a domestic spirit, is central to the plot. "V syrykh tumanakh," published in NOVYI ZHURNAL, no. 34 (1953), and "Severnye Afiny," published in SOVREMENNYE ZAPISKI, no. 30 (1927), became separate sections of Remizov's volume of memoirs "Iveren'," still unpublished in book form. The work describes his exile years (1897-1905) in the provinces.

Знамение. "Znamenie," the Russian church where Remizov and his friends gathered annually in May for a Requiem Mass for his wife Serafima Pavlovna.

Letter 11

Maugé. André Maugé and Alexandre Bachrach translated Remizov's dreams, which had appeared in pre-revolutionary publications, into French. Their book, L'AUTRE SECRET, Paris: Edition Fontaine, 1947, appeared before Remizov's Russian version: MARTYN ZADEKA. SONNIK, Paris: Oplshnik, 1954.

«Бесноватая». "Besnovataia" is the title of one of the hundreds of albums of drawings that Remizov made to earn additional income. The album "Zolotaia kniga" (1948-1951) contains Remizov's sketches of most of his personal friends mentioned in these letters and is in his archive in TSGALI (f. 420, op.4, ed. khr. 33).

Чижов. Gleb Chizhov, a composer of Russian romances under the pseudonym G. Kholmisky, was a friend of Remizov's since his St. Petersburg days. A bibliophile, Chizhov owned one of the twenty-five copies of Remizov's CHTO EST' TABAK (1908). See Jo Ann Bailey's translation of "The Statuette" (RUSSIAN LITERATURE TRIQUARTERLY, no. 18) for the hilarious story of the work's publication and K. Somov's drawings for it. Chizhov published a reprint in Paris in 1983 which included the latter.

Letter 12

первопечатник. "Knigopisets i shtanba. Pamiati pervopechatnika Ivana Fedorova," POSLEDNIE NOVOSTI, nos. 4833/4840 (1934).

Аввакум. "Avvakum," POSLEDNIE NOVOSTI, no. 6544 (1939).

О Федорове перевод есть. "Ivan Fedorov," POPYRUS, no. 185-187 (1935). The projected book mentioned in the next sentence was not published.

«огонь». "Avvakum" (see note above) appeared as "L'Incendiaire" in LES YEUX TONDUS, Paris: Gallimard, 1958, tr. Nathalie Reznikoff.

Федор Степаныч. Fyodor Stepanych is Remizov's nickname for Reznikova's elder son Andrei (Andryusha).

Емельянов. Viktor Emel'yanov, one of several of Remizov's friends who read to him regularly as he grew blind, was the author of SVIDANIE DZHIMA (1936).

Letter 13

Прегель. Sofiya Pregel', editor of the monthly journal NOVOSEL'E (1942-1950) which published thirteen Remizov titles between 1943 and 1950.

Пришвин. "M. M. Prishvin," NOVOSEL'E, no. 24/25 (Feb.-March 1946).

Василий Васильевич. Most likely Vasily Vasilievich Sukhomlin, a former editor of VOLIA ROSSII which published eighty-one titles by Remizov between 1922 and 1931.

Людмила Николаевна. Lyudmila Nikolaevna Zamyatina, wife of writer Evgeny Zamyatin.

«Кукушка». The "Kukushka" is Remizov's cuckoo clock. See also Letter 2.

Letter 14

Комаров. "Komarov" was Remizov's nickname for Evgeny Sosinsky, an artist who worked as a taxi-cab driver, hence "by Komarov."

Бабушка-верховая. Ekaterina Davidovna Unbegaun. See notes to Letter 3.

Рус. Нов. RUSSKIE NOVOSTI, a weekly paper, published nine titles by Remizov between 1947 and 1952.

«Патриот». SOVIETSKII PATRIOT did in fact publish ten Remizov titles between 1946 and 1952.

Бахрах, Руманов. Alexander Bakhrakh, literary critic. See Letter 11. Arkady Rumanov, the critic whom Remizov had known from St. Petersburg, where Rumanov had been the head of the St. Petersburg section of the Moscow newspaper RUSSKOE SLOVO, appears in Remizov's memoirs of those years, VSTRECHI, Paris: Lev, 1981, pp. 59-81.

Марк Львович. Mark L'vovich Slonim, well-known scholar who had known Remizov since his days as editor of VOLIA ROSSII (see Letter 13). "Rebusova" is Remizov's nickname for the poet E. Rubisova.

Достоевский. DOSTOIEVSKI. L'IDIOT. Roman. Trad. et préface de Alexis Remizof et Vladimir André, Paris: Editions du Chene, 1947.

Letter 16

«Нонне». "Nonne" is Remizov's nickname for Nina Grigorievna L'vova, wife of the writer Lev L'vov. She appears as "Nonne" and Nayada in Remizov's memoir MYSHKINA DUDOCHKA, op. cit.

Вадим. The poet Vadim Andreev is Reznikova's brother-in-law and the son of writer Leonid Andreev (1871-1919).

Ив. Ив. Ivan Ivanovich is the Russian cook who appears, again without a last name, in Remizov's memoir MYSHKINA DUDOCHKA.

Сувчинский. Pyotr Suvchinsky, well-known music critic whom Remizov had met in Berlin in the 1920s, was one of the founders of the Eurasian movement (see Letter 1), a co-editor of VERSTY (1926-1928), the journal which published avant-garde artists like Remizov and Marina Tsvetaeva (1892-1941), and collaborator with Igor Stravinsky on the latter's six Charles Eliot Norton lectures on the poetics of music delivered at Harvard University in 1939.

Крестовые Сестры. KRESTOVYE SESTRY, Remizov's novel of 1910, is again available: Letchworth: Bradda Books, 1969 (Rarity Reprints, no. 12).

Канавя. Remizov's novel "Kanava" never appeared in book form. For the complicated history of its publication under the titles "Kanava," "Rov l'vinyi," and "Plachuzhnaia kanava" see both Hélène Sinany, BIBLIOGRAPHIE DES OEUVRES D'ALEXIS REMIZOV, Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1978, and Horst Lampl, "Bermerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remizovs (Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov, établie par

Hélène SINANY: Paris 1978), in WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH, 11 (1978), pp. 301-326.

Letter 17

Из «Кочевника»... All sixteen sections, including "Na mel'nitse," of "Kochevnik," a chapter from Remizov's memoir "Iveren'," were published in NOVOE RUSSKOE SLOVO (1951-52). "Iveren'" has yet to appear in book form.

Диомед (свет Божий). Diomed Monashev with the meaning of his patron saint's name: "Divine Counsel."

Утенок. Ol'ga Vladimirova von Derviz, who appears in Remizov's memoir MYSHKINA DUDOCHKA under her nickname Utyonok (Duckling), lived with Remizov after 1954, at the suggestion of Natalya Kodryanskaya, in order to take better care of him. She and E. K. Fominova were with him on the night of his death, 26 November 1957.

Ольга Елисеевна. Ol'ga Eliseevna Kolbasina-Chernova, Reznikova's mother, had first read Remizov in 1905 when he submitted the manuscript of his novel CHASY to the newspaper DELO NARODA.

Аука. "Auka" is Remizov's nickname for Reznikova's younger sister Ariadna Sosinskaya and is the name of a character in his POSOLON'.

Letter 19

Кодрянская. Natalya Kodryanskaya was to be co-executor, along with Reznikova, of Remizov's estate. Her interviews, reminiscences and correspondence with Remizov have been published in ALEXEI REMIZOV, Paris, 1959 and REMIZOV V SVOIKH PIS'MAKH, Paris, 1977.

Прегель. Sofiya Pregel' published "Zvezda-Polyn'. K 'Idiotu' Dostoevskogo," in NOVOSEL'E, no. 42-44 (1950). It is available in reprint in: OGON' VESHCHEI, Paris: YMCA, 1977. For earlier French publication see Letter 14, note 9.

дополнение имен к «Вз. Рус». This index was not published but one has been published by Andrei Kozin in the second edition of VZVIKHRENNIAI A RUS', London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1979.

Елена Евгениевна Мамченко. Elena Mamchenko, wife of poet Viktor Mamchenko.

Letter 20

Оплешник. Reznikova and her entire extended family established "Opleshnik" (magician) for the sole purpose of publishing Remizov. Of the eight volumes published, the first mentioned here, was POVEST' O DVUKH ZVERIAKH. IKHNELAT, Paris: Opleshnik, 1950.

Letter 21

Чудеса в решете, Чаромутие, Чародеи. "Chudesa v reshete," "Charomutie," and "Charodei" were later published in Remizov's memoir MYSHKINA DUDOCHKA, op. cit.

разговор о французском. Only three excerpts from MYSHKINA DUDOCHKA were translated into French: "Moalakat," in LE DISQUE VERT, no. 3 (1953); "La flute aux

souris," in LA TABLE RONDE, no. 68 (1953); and "Sous les reflets d'azur," in LA TABLE RONDE, no. 76 (1954).

Вас. Вас. See notes to Letter 13.

Зайцев. Boris Zaitsev (1881-1972), novelist and essayist, first met Remizov in 1905 in St. Petersburg; he was to read for Remizov on a weekly basis as Remizov's vision began to fail him.

Letter 22

африканский доктор. V. M. Unkovsky, critic, nicknamed the African doctor by Remizov because Unkovsky had actually practiced medicine for some time in Africa.

Nils A. Nilsson. Nils A. Nilsson, well-known scholar.

Лисьевна. "Lis'evna" is Remizov's nickname for Reznikova's mother Ol'ga Chernova. See Letter 17, notes.

Letter 23

Вадим. Vadim Andreev. See notes to Letter 16.

Бесноватые. BESNOVATYE. SAVVA GRUDTSYN I SOLOMONIYA, Paris: Opleshnik, 1951.

Н.Р.С. NOVOE RUSSKOE SLOVO, New York daily newspaper.

Иосиф Левин. Iosif Mikhailovich Levin, Russian poet living in America.

Якобсон. Roman Jakobson (1896-1982), renowned scholar, had written to Remizov's friend Pyotr Suvchinsky that, according to M. Karpovich, the Chekhov Publishing House was considering an edition of Remizov's collected works. For the sole "Chekhov" publication see notes to Letter 5.

французская Оля. "Olga" was not published as planned by Sulliver because of financial problems.

Подстриженные глаза. PODSTRIZHENNYMI GLAZAMI, Paris: YMCA, 1951.

Бова. "Bova Korolevich" appeared in VOZROZHDENIE, no. 49-51 (1956).

Олечка. Olechka is the Andreevs' daughter, Olga Andreev, soon after this letter to be Olga Carlisle.

1.

26/III/1949

Дорогая Антонина Федоровна!

Спасибо. Вчера на здешнее Благовещение, получил и пижаму и снесь. Всех, кто заглянет, страждущих накормлю сыром, а детей шоколадом. С вашим печеньем пью ваш кофий, а на загладку желэ: с вечера поставлю, на утро готово.

Когда будет возможность, пришлите сахару — много у меня выходит, прятать в „запас” не могу, хотя и прошел нашу русскую науку 1919-1921 гг.

Первые весенние дни. Пишу, как птица поет, без усталости и при дневном свете и во сне. И всегда думаю: ничего не выйдет. А потом думаю, читая написанное, откуда берутся слова? Слова как пена. Потом идет работа глаза и уха. В прозе надо слушать, чтобы не заскочила рифма и никаких глагольных созвучий, не свойственных природной русской речи — происхождения недавнего, как сковали русские лады „немецкими” правилами. Вчера выпускали на волю птичку, выпущу и наше Благовещение. Птичка зеленая крылышки, остроклювая, а какие песни пела! И всех радовала и никто ни на кого не сердился.

А закончилось Пушкинской „птичкой”.

Все жду, что в *Новоселье* вы пришлете рассказ. Повторяю, у вас все необычайно *живо*. Мне хотелось бы, чтобы рассказчик был ближе к нам конечно, и через кого-то самого далекого по душе все можно услышать и представить себе, о чем хочет человек выговорить.

Валентину Александровичу кланяюсь.

А. Ремизов

2.

1/III/1949

Дорогая Антонина Федоровна!

Мне надо большие размеры. Так и в работе. Хотя люблю заниматься мелочами. В жизни я много навиделся такого комнатного — равного площадным. А глаза сорвал паутиной — полями паутины.

И сейчас едва смотрю на свет: затеял построить книгу (15-6 лет писалась в Париже). Проверил 446 страниц мелкого шрифта и подклеил. Это моя бытовая автобиография-идиллия „Учитель музыки” (с камертоном, без инструментов). Все готовлю на „после смерти”.

В конце марта приедет Николай, ему покажу в котором гнездышке и на какой полке этот „Учитель музыки”. Тоже сделаю и с моими „Подстриженными глазами” (с колыбели до университета).

Да скучно старое, хочется заняться новым — о чем думалось много лет, и не осуществлено.

С Николаем передам вам моего „Пляшущего демона” (куда входит и мое „Воронье перо”) моя память с XI-го до XV111-го. В XV1 — я „книгописец”, моя встреча с Иваном Александровичем Рязановским — „костромским книгописцем”.

Напишите, что вздумается для *Новоселья*. Пусть без начала и без конца „Пришло в голову” — это и будет форма.

Алексей Ремизов

Кланяюсь Валентину Александровичу

3.

10/I/1949

Дорогая Антонина Федоровна!

На первый день Рождества получил — и пью цветочный китайский с фиговым пряником. Очень вам благодарен за все.

Два раза заходил Николай. Рассказывал я ему, как в старину до 1918 года в Кремле в Успенском Соборе пели и о „русском ладе”. Ему пригодится для его работы о славянофилах.

У меня нет напечатанного, только рукописи — которые по слепоте не разбираю — легче было б книгу дать, чем тянуть-рассказывать.

В России меня не издают с 1921 — 28 лет
в эмиграции с 1931 г — 18 лет

Что написано за эти годы — пылится и выцветает.

Верю в чудеса и воскресенье

Алексей Ремизов

Кланяюсь Валентину Александровичу

4.

16/II/1949

Дорогая Антонина Федоровна!

Очень вам благодарен за чай, бумагу, финики, абрикосы, изюм, салфетку.

Платье передал Nonne. Святой человек, сейчас после службы зашла с папиросами. Мне очень трудно переходить улицу — а табачная на той стороне.

В *Новоселье* опечатка.

не „забытый” а „ЗАБИТЫЙ” стр 13

Если бы для следующего в а ш р а с с к а з! Напишите, у вас мысль блесит, слово живет, и ваша память. С. Ю. всегда вас напечатает, не откладывая.

Еще (5-ый раз) переписал я моего „Стефанита и Ихнелата”, но напечатать не удастся. Уж после смерти, если судьба показаться и после смерти.

А сейчас сижу над большой книгой „Учитель музыки” — правляю, подклеиваю. В ней парижская бытовая автобиография с 1924-1939.

Хочется кончить скорей и начать теперешнее. Медленно все идет из-за моих глаз или лучше единственного глаза.

Чай есть, с кофеом — плохо. Мне много надо — 1/4 — а на 2 дня. Купить можно, только дорого. Если можно, когда-нибудь пришлите желэ-порошек; однажды вы мне прислали и я научился делать.

Буду вам очень благодарен. Поклон Валентину Александровичу

А. Ремизов

Пишет Nonne /Нина Григорьевна Львова — дальше идет письмо от Н.Г.Л./

5.

15/VII/1949

Дорогая Антонина Федоровна,

Русский текст. Перед ним франц. объяснение о моих книгах и почему говорю о книге не переведенной на французский. Это не я говорил. Только за это у нас не платят: это реклама. Этого добиваются.

Я могу говорить по-французски и говорил, но мне это очень тяжело. Будет мое говорить спикер, к-ый, конечно возьмет гонорар.

Все это не моя затея, а молодых французских писателей, с которыми я связан: я участвую в сюрреалистических сборниках.

Письмо Н. Г. передал Солдату, а Н. Г. давно не вижу, а Солдат к ней пошел.

О Еврейнове я писал в *Новоселье*, где напечатаны три главы из Очарования, а четвертая не напечатана, лежит у С. Ю. Он живет в нашем доме внизу. Когда я еще не был к а л е к о й н е п е р е х о ж е й я с ним встречался всякий день на улице. Теперь, когда тепло, я выхожу и иду по стенке. А если встречаемся, на мое „здравствуйте” он не отвечает: у меня ведь „паспорт русского народа”.

С. Ю. Прегель бывает очень редко: она занята своим домом. Три года назад я наговаривал и Рыбку и сон из Вия „полет”. Очень дорого стоит. Из „Вия” вышло, а Рыбкой я не доволен: торопят: чтения 20 минут, а надо уместить в 15-6. Наговаривал и свое для франц. архива — пластинку никогда не слышал. А теперь уж и не знаю, сам я не могу, а другим возиться со мной некогда. Чувствую себя З А Ж И - В О П О Г Р Е Б Е Н Н Ы М. Комната, книги, которые я едва разбираю, окно, в которое я никогда не гляжу, (против гараж и госпиталь: мертвецкая и мейеровская стена).

Сейчас сумрачные дни, с 3-х часов зажигаю свет.

Гоголя я не бросаю. Отрывает чтение (очень медленное) грамот: учусь русскому языку. И книгу надо отдавать в библиотеку. Сын Гоголя я рисую. Когда-то все подготовил и все мои рисунки пропали (не совсем, но их найдут, когда меня не будет на свете).

А сейчас я рисую — М О Я Г Л А З А Т А Я Р У К А, рисуя не вижу. Это называется: „раскованный рисунок”.

Хочу попросить Вас для себя: когда Вам придет удача, пришлите мне простое солдатское одеяло.

Валентину Александровичу кланяюсь.

А. Ремизов

6.

25/X/1949

Дорогая Антонина Федоровна!

Вот вы так нарядили меня. И никому в голову не придет о моей человеческой породе или не иначе, как переодетый зверь. Только с 1 ноября обещают топить, а эти дни ледник. Поздно вечером к 10-и

делаю ваш суп: пакет на 2 дня и привык.

Опять я затворился: день дожид и в комнате темно, зажигаю свет. Мучаюсь над книгой. Гоголя пришлось отложить для ображаемой книгой: „Повесть о двух зверях“. Надо было сочинить предисловие и объяснение, откуда. Потом и „Пляшущий демон“ для радио, а говорить по французски. Пять раз переписывал. Да придется и еще дописывать при переводе.

Заходила самоотверженная Nonne /Нина Григорьевна Львова/. Она стесняется просить. Из разговоров выяснилось, чего ей надо. Она хотела бы: халатик, халат, пижаму, комбинезон, чулки. И слава Богу, так просто: нельзя, ничего и поделаешь, а ну-как выйдет, потому и пишу Вам.

А я как нарядился да вышел, а мне навстречу С Н Е Г, обрадовался. Никто его не видит, а у меня в глазах живой: белый, веселый и глаза горят, русский.

Сегодня понедельник, Емельянов: все ли в порядке на кухне? — пройдет с топором комнаты, постучит по углам, — корня он уральского, камнем крыт.

Продолжаю учиться по-русски. Русский лад, это алмазный стиль без церковно-славянских „ВШЕЙ“ и „ЩЕЙ“. После „первых грамот“ ХУ1 в. до чего бесцветны и бедны русским наши стилисты Тургенев и Гончаров. Но мы на них выросли, отвыкать не легко. Это я себя уличаю и во „вшах“ и в „щах“ и никого не хочу лживить.

Из разговоров узнал: у Емельянова пальто в заплатках 12 лет. Емельянов с Николая. Будет вам удача, ПОШЛИТЕ ЕМУ

6 bis rue d'Auteil, Paris XVI

Емельянов и Емельяниха очень вам благодарны. Его судьба: и не знаешь как помочь: нет возможности писать: один свободный день: понедельник. А для письма, вы-то знаете, надо Непрерывность.

1. заячьи лапки
 2. заячьи смельки
 3. докленок чулки цвет жасмина
 4. заячья шкура хребтовая
- спасибо

А. Ремизов

Спасибо: Кофий, желэ, рыба (рыбу вечером).

Шоколад передам.

Nonne — медленно напишет, ей очень трудно.

Солдат — пространно с придаточными предложениями

Менада /Емильяхина/ пришлет вам шоколадные стихи „с испанского“.

Все три падки на сладкое и любят петь: Nonne с клокотом, (легкое приросло к сердцу), Солдат басом, а Менада — нету голосу, что-то

вроде отдаленного шума. А поют песни только разбойничьи.

Кланяюсь Валентину Александрову.

А. Ремизов

7.

2/VII/1950

Дорогая Антонина Федоровна!

За все вам спасибо: за чай, кофий
и удовольствие детей рахадлукум
чернослив

За простыню — отдал

(у меня хоть и рвань, да есть чем покрыть, а у нее ничего нет.)

Поскольку я получил не вчера не известил: мучился с глазом: занавеска, семь лет не вытряхалась, упала на стол, когда писал, а к вечеру глаз раздуло, как у утопленника.

А писал я о тайной милостыне и о вас думал, выписывал из жития Иулиании Лазаревской (1640 г).

Потянуло меня из моей черноты (Ихнелат, Савва Грудцын) о свете человеческом написать. Вспоминаю Горького, повод: его три письма.

Если осуществится сборник „Перепел“, он и откроется моим „О тайной милостыне“. А заключу сборник „За зеленой огдарой“, 2-ая часть, комментрай к „Оле“.

Сейчас мне можно мечтать только о маленьких книгах в 200-250 (75.000 frs).

Ихнелат издан

детьми внуками и правнуками
Елисея Яковлевича Колбасина
и бабушкой

Оля-Вадим: Саша, Олечка Андреевы

Наташа-Даниил: Андрюша, Егор Резниковы

Адя-Бронислав: Алеша и Сережа Сосинские
и их дядя Комаров

Если покроют расход, возьмутся издать и Грудцына.

А книга о Серафиме Павловне большая. Будет счастье напечатать. В Новоселье была одна глава из 1-ой части, которая называется „В розовом блеске“.

Я писал вам, я говорил Прегель о ваших рукописях.

Я ее очень редко вижу и все реже и реже и надо думать, что и совсем перестанет ходить. Со мной все так в жизни с людьми, д.б. надоедаю.

Одни не ходят по своему несчастью, как Nonne, другие по занятости, как Солдат (нет никакой возможности), третьи по сплетням (Париж, что Пенза или Чернигов).

Не забыл Емельянов (— деспот) по воскресеньям, и на неделю мне корм пойдет купит.

Емельяниха (Менада) заглядывает — на неделе, но мне всегда неловко ее просить — очень усталая.

Я привык все сам делать и д.б. за самовольство почти ослеп. Эта слепота меня и сковала.

Листок из календаря в посылке нашел. Это из моей книги „Подстриженными глазами” 1877-1887.

Кланяюсь Валентину Александровичу и Александру.

А. Ремизов

8.

10/II/1951

Дорогая Антонина Федоровна,

Получил кофе, спаржевый суп, какао, салфетки и шкурку в ней и письмо пишу СПАСИБО

После Крещенского огня отдышаюсь. В горячке записывал, не глядя и как поднялся, нарисовал, что видел. Понемногу восстанавливается зрение. 9 жгучих ночей — эти 9 ночей ночевала, следя, Наталья Викторовна Резникова самоотверженно и терпеливо (она семейная: двое детей). Резниковы, Андреевы и Сосинские их затея „Оплешики”. А знаю всех детей. Их любила Серафима Павловна.

Первую ночь ночевала Менада, обиделась на меня не за слова, а как я говорил с ней в жару 40°. Наверное, я виноват: за добро выругал. Емельянов всякий день, как с завода возвращается, зайдет. Приезжали Кодряньские. А несчастная Nonne на 5-м этаже лежит, только теперь поднялась и при ней неотлучно Солдат.

30-ть лет не хворал (1917 — крупное воспаление легких), не умею лежать, не привык.

Идут две корректуры большая книга „Подстриженными глазами” (выйдет осенью) и другая маленькая: „Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония”.

Корректировать я не вижу, только слушаю.

Еще несколько дней и я примусь за прерванное — за Бову Королевича. Перед болезнью написал рассказ о Пантелеймонове.

Кланяюсь Валентину Александровичу и Александру
А говорят: весна. Надо проверить.

/без подписи/

9.

7/VI/1952

Дорогая Антонина Федоровна!

Пью ваш чай, спасибо.

А больше чаю я люблю цветы. Теперь в полутьме я их как-то еще больше полюбил. Они для меня никогда не немые, и я, глядя, слушаю их тихий разговор. Если бы они меня слышали! Чувствую себя в заколдованном круге. И не знаю, что меня разколдует. И я ушел далеко — белые ночи, итти далеко. Иду по берегу лопарей, путь к эскимосам. Слушаю сказки.

Чувствую, что разучился смеяться, а все всерьез. Для меня это нехорошо.

Не писал Вам, все думал, пошлю „Мелюзину” — должна была выйти 1 марта.

Из *Мертвых душ* удалось напечатать только Ноздрева и Чичикова, Манилова и Тройку не приняли. Очень непохоже на то, что мы учили. Я только не по букве, а по духу, а стало быть, отрицательного нет ни в Чичикове, ни в Манилове, ни в Ноздреве. Не удалось и по-французски. И только портрет Гоголя поместили в L'Art — но я не художник.

И так все: не с места.

Единственное, *Оля* без 1-ой и 2-ой части, а начиная с 3-ей. 3, 4, и 5 под названием „В розовом блеске”.

Обещают выпустить в августе. Эта книга вам будет по душе: одна глава из 5-ой части была напечатана в *Новоселье* (Последние дни Серафимы Павловны).

Редко вижу Нину Григорьевну. Она сейчас без места и очень растроена. Солдата совсем никогда. Емельянов по воскресеньям, Емельяниха: вторник и четверг. Заходит в полдень опустить письмо и если нужно купит ветчины и хлеб. Мне очень жалко Нину Григорьевну (Nonne), но что я могу сделать? Поступить ей на место очень трудно и по возрасту и болезнью. Завтра зайдет ото всеобщей (Троицын день), и я ей скажу, что вам написал.

Молчание и непрерывность. Мне хорошо это говорить, живя в

затворе. Наступают отпуска, все разъедутся, буду по-неделям только разговаривать сам с собой и думать до конца.

А ведь вы живете в заботах. Я так вижу и чувствую.

Кланяюсь Валентину Александровичу и Александру

А. Ремизов

10.

20/V/1949

Дорогая Антонина Федоровна!

Спасибо. Все дошло: финики, сыр, 3-п печения, бумага, серый балахон (дорожный), кофий (завернут).

Но все перевернуто и в новой обложке, под ней зеленый листок *Le colis en mauvais état* (прилагаю).

У нас еще все холодно, все в шкурках сижу. В субботу была панихида, очень хороший хор и все прошло тихо. Если не будет дождя, завтра повезут на кладбище.

Кончил о Пушкине к 150 летию. Мне так трудно такое писать, я не ученый. Переписал на вашей бумаге и сегодня рукопись взяли — 2/6 появится, если не забракуют в редакции *Рус. Новости*.

Достал тетрадей (непромокаемых). Завтра начну 5-ую редакцию „Саввы Грудцына”.

Может, и лето придет.

Еще остается просмотреть переписанные на машине рассказы из книги „Шурум-Бурум”, самая для меня тяжелая работа — в глазах звездочки.

Мне хочется все приготовить, разложить в порядке. И конца краю не вижу. Передохнуть не успеваю.

Кланяюсь Валентину Александровичу и Александру: когда-нибудь увижу, прилетит в Париж, я покажу ему мои графические конструкции, еще по глазам мне.

Алексей Ремизов

11.

23/IX/1949

Дорогая Антонина Федоровна!

Спасибо. Получил и рыбное и миндальное и желэ и чай и носки. Фуфайки передал Е. Вл. Фоминовой (Солдату).

(Она греческого происхождения, потому имя по-русски не складно, по нашему было б Фомина).

Привыкаю к вашим супам.

21/9-8/9 на Рождество Богородицы исполнилось мне 47 лет, как в первый раз напечатали. Я и раздумался. И угодил в пер черные волны. И никак не могу выкоробкаться. Всякий день я 1/4 часа гуляю по стенке, и всегда думаю поскорее бы домой вернуться. А сегодня и сказалось: „если не возвращаться!”

Продолжаю о Гоголе. И учусь русскому — много не могу, глаза не берут.

К нам вернулось лето. Сижу с открытым окном, а уж ночь: теплый дождик.

Кланяюсь Валентину Александровичу. Забыл написать в своем реестре. Вспомнил, есть у меня еще книга: „Шурум-бурум”. В ней и петербургские встречи, и вещи, связанные с моим ремеслом, и парижское-уличное. Конечно, книга неиздана.

Меня все утешают: после смерти — а понадобится мое, это еще неизвестно.

А. Ремизов

Letter 1

Антонина Федоровна. Antonina Fyodorovna Ryazanovskaya, a writer residing in California. Mentioned regularly in the letters are her husband, Valentin Alexandrovich, a cultural historian and her scholar sons, Alexander and Nikolai. Remizov had known the Ryazanovskys since his Petersburg days when Ryazanovskaya's brother-in-law, I. A. Ryazanov, an archeologist living in Kostroma, had provided him with important ethnographic materials for his work.

Благовещение. “Blagoveshchenie,” the Annunciation. Remizov's correspondence and works frequently mark dates by Church holidays.

«птичка». In 1947 the Club d'Essai in Paris had recorded Remizov's readings of Pushkin's “Skazka o rybake i rybke,” Gogol's “Vii,” and his own works, three dreams entitled

"Medveditsa," "Koshka," and "Ivitsa." Remizov referred to his recorded voice as the "bird." The reference here suggests a playing of the recording.

Новоселье. NOVOSEL'E, a monthly journal edited by Sofiya Pregel, published thirteen Remizov titles between 1943-1950.

Letter 2

«после смерти». UCHITEL' MUZYKI was in fact published posthumously in Paris: La Presse Libre, 1983, with an introduction and notes by Antonella d'Amelia.

Николай. Nicholas Riasanovsky, historian, author of highly esteemed HISTORY OF RUSSIA (Oxford, 1963). See notes to Letter 1.

Подстриженными глазами. PODSTRIZHENNYMI GLAZAMI, Paris: YMCA, 1951.

Пляшущий демон. PLIASHUSHCHII DEMON, Paris: Dom knigi, 1949.

Letter 3

Николай. Nicholas V. Riasanovsky. See notes to Letter 1.

Letter 4

Nonne. "Nonne" is Remizov's nickname for Nina Grigorievna L'vova, wife of writer Lev L'vov. She appears as "Nonne" and Nayada in Remizov's memoir MYSHKINA DUDOCHKA, Paris: Oplshnik, 1953.

стр 13. A reference to the chapter, "Moskva" in NOVOSEL'E, no. 39-41 (1949), from Remizov's memoir "Iveren'" which has yet to appear in book form.

С. Ю. Sofiya Yulievna Pregel', see notes to Letter 1.

«Стефанит и Ихнелат». POVEST' O DVUKH ZVERIAX. IKHNELAT, Paris: Oplshnik, 1950. See RUSSIAN LITERATURE TRIQUARTERLY, no. 18 for the first English translation by Renate Bialy.

Letter 5

сюрреалистические сборники. Remizov met frequently at this time with a group of French writers associated with the prestigious journal LA NOUVELLE REVUE FRANÇAISE.

Н. Г. Nina Grigorievna L'vova. See notes to Letter 4.

«Солдат». "Soldat" is Remizov's nickname for Ekaterina Vladimirovna Fominova who was tending Remizov, along with Olga von Derviz, on the night of his death, 26 November 1957.

Еврейнов. Remizov's reminiscences of Nikolai Evreinov, playwright and director whom he had known in Petersburg, appear in "Charodei," NOVOSEL'E, no. 9 (July/August 1946) and in MYSHKINA DUDOCHKA, Paris: Oplshnik, 1953.

три главы из «Очарования». "Chudesa v reshete. Iz povesti 'Ocharovanie,'" NOVOSEL'E, no. 22/23 (Nov./Dec. 1945) and in MYSHKINA DUDOCHKA, op. cit.

С. Ю. The poet Sofiya Yulievna Pregel', see notes to Letter 1.

«паспорт русского народа». When Remizov's wife, Serafima Pavlovna, died in May 1943, his daughter Natasha, who had not emigrated with her parents, invited him to live with her in Kiev. After the war Remizov received a Soviet passport to join his daughter. When news

reached the then seventy-year-old Remizov that Natasha had died in October 1943, he decided to remain in Paris despite a second invitation from his grandson Boris Bunich-Remizov.

«пластинку никогда не слышал». In letters to Natalya Kodryanskaya, for example, one of 10 July 1947 published in her ALEKSEI REMIZOV, Paris, 1959, Remizov describes the sound of his recorded voice. Perhaps he had heard only the Pushkin and Gogol selections. See notes to Letter 1.

«мейеровская стена». Remizov referred to blind walls, both that of the garage and of his study, as "Meyerovskaya stena." This nickname is an allusion to Ippolit's rented room in Dostoevsky's IDIOT.

«Гоголя я не бросаю». Remizov's study of Gogol, "Ogon' veshchei" (as well as some of the drawings he refers to in this letter), appeared in its entirety only in a longer study of dreams in Russian literature entitled OGON' VESHCHEI, Paris: Oplshnik, 1954. It is available in a second edition (YMCA press) of 1977.

Letter 6

Емельянов. Viktor Nikolaevich Emelyanov, author of SVIDANIE DZHIMA, met his future wife, O. N. Mozhaikskaya, at Remizov's apartment.

Николай. Nicholas V. Riasanovsky, historian. See the notes to Letter 1.

Емельяниха, Менада. Remizov's nicknames for O. N. Emelyanova.

Letter 7

Ихнелат: see Letter 4; BESNOVATYE. SAVVA GRUDTSYN I SOLOMONIYA, Paris: Oplshnik, 1951.

вспоминаю Горького. "Tri pis'ma Gor'kogo," in NOVOE RUSSKOE SLOVO, no. 14318 (8 July 1951) and in Remizov's memoir VSTRECHI. PETERBURGSKII BUERAK, Paris: Lev, 1981. For an English translation see Roberta Reeder YALE/THEATRE: Gorky, vol. 7, no. 2 (1976).

«За зеленой оградой». "Perepel" was not published; "O tainoi milostnye," was the original title of "Tri pis'ma Gor'kogo"; "Za zelenoi ogradoi" became the subtitle of "Skovz' ogon' skorbei." The latter was the last part of Remizov's semi-fictional biography of his wife, Serafima Pavlovna, and was published in V ROZOVOM BLESKE, New York: Chekhov Publishing House, 1952. The first part of this work was originally published as OLYA, Paris, Vol, 1927.

и их дядя Комаров. Natalya Reznikova and her entire extended family established "Oplshnik" (magician) for the sole purpose of publishing Remizov's works. They published eight volumes of which the first was "Ikhnelat" (see letter no. 4). The family members in relation to her are: Elisei Kolbasin, her maternal grandfather who was a nineteenth-century literary critic whom Remizov had read; her twin sister Olya Andreeva and her husband and children; her younger sister Adya Sosinskaya and her husband and children; and her brother-in-law's brother, Evgeny Sosinsky, nicknamed "Komarov" by Remizov. The "babushka" is her mother, Olga Chernova; the whole enterprise was her original idea.

В розовом блеске. "V rozovom bleske" appeared in NOVOSEL'E, no. 37/38 (1948) and became the title of the whole work.

Деспот. "Despot" is Remizov's nickname for Viktor Emelyanov; see Letter 6.

Александр. Alexander Riasanovsky, historian. See Letter 1.

Крещение. Epiphany. See Letter 1.

Серафима Павловна. Serafima Pavlovna Dovgello-Remizova, Remizov's wife, died 13 May 1943.

Приезжали Кодряньские. Natalya Kondryanskaya, writer, was to be co-executor with Natalya Reznikova of Remizov's estate. She has published her interviews, reminiscences, and correspondence with Remizov in ALEKSEI REMIZOV, Paris, 1959 and in REMIZOV V SVOIKH PIS'MAKH, Paris, 1977. She and her husband Isaak provided Remizov with substantial financial support in his last years.

Бова Королевич. TRISTAN I ISOL'DA. BOVA KOROLEVICH, Paris: Oplshnik, 1957.

Пантелеймонов. Remizov's reminiscences of the writer Boris Panteleimonov, "Steko'shchik," first appeared in abridged form in DELO, no. 3 (March, 1951). The complete sketch is in MYSHKINA DUDOCHKA, op. cit.

«Мелюзина». MELYUZINA. BRUNTSVIK. Paris: Oplshnik, 1952.

Из Мертвых душ. The portion of Remizov's study of Gogol ("Ogon' veshchei") referred to here was published under the title "Sto let so dnia smerti Gogolia," in NOVOE RUSSKOE SLOVO, no. 14555 (2 March 1952). See also Letter 5.

L'Art. L'ART, 14 March 1952.

«В розовом блеске». "V rozovom bleske. Iz strad. 'Skvoz' ogon' skorbei," in NOVOSEL'E, no. 37/38 (1948). (See also notes to Letter 7.)

Емельяниха. For the Emelyanovs see Letter 6.

В субботу была панихида. Remizov and his friends attended an annual Requiem Mass in May for his wife Serafima Pavlovna and his daughter Natasha, both of whom died during the war in 1943.

Кончил о Пушкине. Remizov's study of Pushkin, "Zhivoi vody," appeared in RUSSKIE NOVOSTI, no. 209 (3/VI/1949) and later in OGON' VESHCHEI, Paris: Oplshnik, 1954.

«Шурум-бурум». The original title "Shurum-burum" became the title of the introduction to Remizov's volume of memoirs of the years 1905-17, VSTRECHI. PETERBURGSKII BUERAK.

как в первый раз напечатали. Remizov's first publication, "Plach devushki pered zamuzhestvom," appeared on September 8 (Old Style) 1902 in the newspaper KUR'ER under the pseudonym Nikolai Moldavanov. It is interesting to note that he remembered the date his whole life in conjunction with the Church holiday.

Января 1887 г

Хоронили

Директора

28 111 1948

Paris

Алексей Ремизов

Января

1887 г.

хоронили

Директора

1877-1887

самый древний

мой автограф

был мороз, в комнате натоплено,

подымаясь на цыпочки, очень

неловко, записал на

календарь:

о смерти Алексея Васильевича

Летникова

нашего директора Алекс. Комме

рческого Училища

А. Ремизов²

Paris, 1926 15/5

Сергей Есенин

На память Серафиме Павловне Ремизовой.

Задымился вечер. Дремлет кот на бруске.
Кто то помолился: „Господи Иисусе!”
Полыхают зори. Курятся туманы.
Над резным окошком занавес багряный.
Вьются паутины с золотой повети.
Где то мышь скребется в затворенной клетки.
У лесной поляны в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.
Закадили дымом под росую рощи.
В сердце почивают тишина и мощи.

Сергей Есенин³
18/4/15 г.

Вячеслав Иванов

Млея в сумеречной лени, бледный день
Миру томный свет оставил, отнял тень.

И зачем-то загорались огоньки;
И текли куда-то искорки реки.

И текли навстречу люди мне, текли....
Я вблизи тебя искал, ловил вдали.

Помнил я: ты в околдованном саду...
Но твой облик был со мной, в моем бреду;

Но твой голос мне звенел, — манил, звеня...
Люди встречные глядели на меня.

И не знал я — потерял иль раздарил:
Словно клад свой в мире светлом растворил, —

Растворил мою жемчужину любви...
На меня посмейтесь, дальние мои!

Нищ и светел, прохожу я и пою, —
Отдаю вам светлость щедрую мою.

Вяч. Иванов

Переписано для дорогого друга,
Серафимы Павловны Ремизовой,
на память о вечере поэтов 26/27 сент. 1906⁴

Игорь Северянин

Звезда и Дева

Первое мое стихотворение

Вот и звезда золотая
Вышла на небо сиять.
Звездочка верно не знает,
Что ей недолго блистать.
Так же и девица красна
Выйдет на волю гулять.
Вдруг молодец подъезжает, —
И волю ее не видать.

1896 г.
СПБ Игорь Северянин⁵

Граф Алексей Толстой

Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло.

Во дни когда над вилией Перун
Свой высил храм и выше храма молот,
Когда, склонясь напевам вещих струн
Внимал народ, велик и дик и молод,
Пронзив оленя легкою стрелой
Криво-кривейто кровь плеснул на пламя.....
Тогда ты, жрица, витала пред толпой,
И лик твой был и голос наше знамя.

гр. А. Н. Толстой⁶
Петербург 1909 г.

Николай Клюев

Хорошо ввечеру, при лампадке
Погрустить и поплакать втишок,
Из резной низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулок.

Ненаеую-гостем за кружкой
Усадить на лежанку кота,
И следить, как лучи над опушкой
Догорают виденьем креста.

Как бредет позад дремлющих гумен
Оступаясь лохмоница-мгла...
Все по-старому, дед как игумень,
Спит лахань и притихла метла.

Лишь чулок, как на отмели верши,
И с котом раздружился клубок...
Есть примета: где милый умерший,
Там пустует кольцо иль чулок.

Там божничные сумерки строже,
Дед безмолвен, провидя судьбу,
Глубже взор и морщины... о, Боже!
Завтра год, как родная в гробу.

(СПБ. 1912 г.)⁷

Андрей Белый

Милая, хорошая Серафима Павловна, — Что мне писать? Мыслей нет; мысли — мышьяная грызня; в них нет правды. Хочется правды, а не „истин“ в ковычках. „Истина от земли возсия... Правда к небесе приниче“ (из псалма Давида). Разстояние правды от истины — разстояние от неба до земли. Правда — относится, т.е., несется; она — жива; *истина* — полагается; лог, ложе, ложь — в „истине“ „истина“ — лежачая правда, безногая правда, убитая правда. Не любите „истин“, „истина“ — оболгали правду.

⁸
Андрей Белый
1922 года. Февраля 12го. Берлин.

Борис Пильняк

Борисовы стихи читали Вы, Серафима Павловна, — Бориса Николаевича Бугаева, Андрея Белого: — это самый, один из немногих, горьких моих дней. Не держится перо. У французов — закон — не показывать душу: я бесстыдник, если взглянуть на меня по-французски, — ничего не умею прятать, не знаю тайн: это — мое *горе*.

Пильнячек-глупый

Жалко Вам меня, даже тарелки относили и телефонили

Все Пильнячек.⁹

Берлин, 12 марта 1922 г.

Kirchstr 2 bei Delion

СК-У-У-У-ЧНО.....

Дмитрий Мережковский

Серафиме:

Людей надо судить не по тому, что они есть, а по тому, что они хотят быть.

Д. Мережковский¹⁰

Николай Гумилев

У ворот Иерусалима
Ангел душу ждет мою,
Я же здесь и, Серафима
Павловна, я Вас пою.

Мне пред ангелом не стыдно,
Долго нам еще терпеть,
Целовать нам долго, видно,
Нас бичующую плеть.

Ведь и ты, о сильный ангел,
Сам виновен, потому

Что бежал разбитый Врангель
И большевики в Крыму.

7 дек. 1920

Н. Гумилев¹¹

Евгений Замятин

СПБ 28-7-1921

— Древняя легенда о рае — это, в сущности, о нас, о теперь, и в ней есть глубокий смысл. Вдумайтесь: тем двум в раю был предоставлен выбор — или счастье без свободы, или свобода без счастья; третьего — не дано. Они выбрали свободу — и вечно тосковали об оковах. И вот только теперь Мы снова сумели заковать людей — и, стало быть, сделать их счастливыми. Мы помогли древнему Богу окончательно одолеть древнего дьявола, толкнувшего людей нарушить запрет и вкусить пагубной свободы....

(это кусочек из ром. „Мы”)
Ев. Замятин¹²

Владислав Ходасевич

Душа моя — как полная луна:
Холодная и ясная она.

На высоте горит себе, горит —
И слез моих она не осушит;

И от беды моей не далеко ей,
И ей невнятен сток моих страстей.

И сколько довелось мне здесь страдать —
Душе сияющей не стоит знать.

Владислав Ходасевич¹³

Петербург,
27 янв. 1921

Михаил Кузмин

Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло в день
Рождества Христова 1920

Звезда качается зелено,
Родился маленький Христос.
О, если б миру мир принес,
Как и тогда, во время оно.

Ягнята, пес, осел и вол
Ликуют, вверх поднявши морды,
Смирится ныне злой и гордый
И минет мрачный произвол.

И как Иосиф я посуплен,
Смотрю на праздничный вертеп,
Хоть поворот благих судеб
Ценою милой жизни куплен.

Но лишь слышу полный звук
Полулитовского Довгелло,
Как в сердце стаей прилетело
Колядки, вишни и бунчук.

Благоуветливой Украиной
Овеян, радостно молчу,
И снова верить я хочу:
Спасется мир Христовой гайной.

М. Кузмин¹⁴
январь 1921

Николай Клюев

Четыре вдовицы к усопшей пришли...
(Крича бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидом в котловин сундуки
С сынком листодером ссыпал медяки).
Четыре вдовы в поминальных платках,
Та с гребнем, та с пеплом, с рядниной в руках,
Пришли, положили поклон до земли,
Опосле с ковригою печь обошли,

Чтоб печка-лебедка, бела и тепла,
Как допреж, сытовые хлебы пекла.
Посыпали пеплом на куричий хвост,
Чтоб немочь ушла как метрвец на погост.
Хрущатой рядниной покрыли скамью, —
На одрь положили родители мою....
Как ель под пилою вздохнула изба,
В углу зашептался теней гурьба,
в хлевушке замукал сохатый телок,
И вздулся как парус, на грядке платок, —
Дожнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:
„Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы
От мис с киселем, словно кипень белы, —
Там Митрий Солунский, с Миколою Влас,
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель Иван с ендовы расписной
Их поит живой Иорданской водой!
Зарделось оконце... Закат-золотарь
Шасть в избу незванный. „Принес-де стихарь —
Умершей обнову, за песни в бору,
За думы в разветку, за сказ ввечеру,
А вынос блюсти я с собой приведу
Сутемки, зарядку, и внучку-звезду,
Скупцу-ж листоделу через мокреть и гать
Велю золотые ширинки послать.”

Николай Клюев¹⁵
СПБ 1912 г.

Илья Эренбург

В каких же слабостях еще признаться?
Ребячий смех и благости росы.
Но уж за трапезой домочадцев
Томится гость и смотрит на часы.

Он золотого хлеба не надрежет,
И как бы ни прочувствовала грудь

Он выпустит в окно чужую нежить,
Чтоб даже нежить крикнула: „не будь!”

Илья Эренбург¹⁶
Париж 1946

Зинаида Гиппиус

Серафиме Павловне Ремизовой

То бурно, властно-мятежная, —
То тише вечернего дня;
Заря огневая и нежная
На небе взошла для меня.

Простая, спокойно-суровая,
Как правда, пряма и ярка,
Чиста, как вода родниковая,
Как чистый родник, глубока.

Пусть люди, судя нас и меряя,
О нас ничего не поймут.
Не людям — тебе одной верю я,
Над нами есть Божеский суд.

Их жизнь суетливо-унылая
Проходит во имя ничье.
Я вечно люблю тебя, милая,
И все, что ты любишь — мое.

Зин. Гиппиус¹⁷

1.1.08 06.

NOTES

1. Serafima Pavlovna Remizova-Dovgello (1876-1943), of ancient Lithuanian and Ukrainian lineage, first met Remizov in 1901 when they were both living in political exile in the provincial town of Vologda. She became a paleographer and taught some fifteen years at the L'Ecole des Langues Orientales in Paris.

2. Alexei Remizov (1877-1957) himself wrote in his wife Serafima Pavlovna's autograph album, as the 1926 signature indicates. She had kept diaries and autograph books her whole

life. After her death Remizov copied their contents into fourteen notebooks with added commentary, hence the second entry of 1948, and included them in his Paris archive.

3. Sergei Esenin (1895-1925) visited the Remizovs in 1915 when he moved to Petersburg. His autograph poem was published a year later in his first verse collection *Radunitsa*. Remizov had already used the title in two different works in 1911 (*Sochineniia*) and in 1913 ("Kuzovok" which appeared in 1915 in *Vesennee porosh'e*). Esenin's archive at the Lenin Library contains several undated gift inscriptions on Remizov's *Sochinennia* (RO GBLf. 393, k. 2, ed. khr. 9-11). Remizov cites the origin of the word "radunitsa" which refers to a religious rite among the Eastern Slavs that supposedly dates back to pagan times as the Lithuanian word "Rauda."

4. The autograph entry of Vyacheslav Ivanov (1866-1949), "Nishch i svetel," was published by his own publishing house "Ory" in *Eros* (1907) as was Remizov's *Limonar'* (1907), a collection of recast Apocryphal legends. The Remizovs attended Ivanov's famous Wednesday evenings in the "Tower" where Remizov read from his *Posolon'*.

5. Igor Severyanin (1887-1941) does not seem to have published this childhood poem. His archive in *TSGALI* contains letters from Remizov that show that they maintained contact even when in emigration.

6. A. N. Tolstoi (1883-1945) apparently never published this autograph entry. For Remizov's literary dream of Tolstoi see "Moi sny," *Zveno*, no. 143 (26 October 1925).

7. The autograph entry of Nikolai Klyuev (1887-1937) was not published until 1915. Klyuev's respect for Remizov as a connoisseur of language is evidenced by an unpublished letter of his in Remizov's archive (*IRLI*, f. 256, op. 1, ed. khr. 114, l. 1) requesting help in deciphering the script of a "trebnik," a prayer-book which contains the order of service for church ceremonies. Remizov maintains this linguistic connection in his thumbnail sketch of Klyuev in *Myshkina dudochka* (Paris: Oplëshnik, 1953, pp. 42-43) where Klyuev appears speaking in *okanie*.

8. Andrei Bely was a distant relative of Remizov's and expressed his regard for his work in a number of reviews (see the Remizov bibliographies in *RLT* 18 and 19) and in a number of very warm personal letters which are in Remizov's Leningrad archives (*RO GPBf*. 634, op. 1, ed. khr. 57, ll. 1-34). Remizov in turn "recreated" Bely in an allegorical literary portrait in *Akhru* (1922) and late in life reminisced affectionately about their shared propensity for play (see N. Kodrianskaia, *Aleksei Remizov*, Paris, 1959, pp. 120-22).

9. Boris Pilnyak (1894-1937), in an unpublished essay titled "Zagranitsa" which was written upon his return to the Soviet Union (9 April 1922), wrote of his Berlin stay with the Remizovs and the warm friendship that developed. He described a day, one month prior to the autograph entry, when he and Remizov pined for Russia all evening after Remizov had shown him a little ivory box filled with Russian earth that he and Serafima Pavlovna had brought with them (*TSGALI*, f. 1692, op. 1, ed. khr. 35, l. 1). Pilnyak's short novel "Tret'ia stolitsa" is dedicated to his "master" Remizov.

10. For Remizov's literary dream of Dmitry Merezhkovsky see his "Moi sny," in *Zveno*, no. 143 (26 October 1925). See also note 17.

11. The autograph entry of Nikolai Gumilyov (1886-1921) does not appear in his *Sobranie sochinenii*, 4 vols. (Washington: Kamkin, 1962-66). In his memoirs of his Petersburg years (1905-21) published in *Akhru* (1922), Remizov twice expressed his outrage at the execution of Gumilyov, the "pevchaia ptitsa." See also note 13.

12. The entry of Evgeny Zamyatin (1884-1937) is a slight variant of the one in *My*, New York: Inter-Language Literary Associates, 1976, p. 56. For Remizov's literary portrait of Zamyatin, see his *Vstrechi*, Paris: Lev, 1981, pp. 252-55.

13. The date of the autograph entry of Vladislav Khodasevich (1886-1939) coincides with that of his induction into Remizov's secret society *Obezvelvolpal*, the Grand and Free Order of Apes. Judging by an earlier letter (1909) from Remizov to Khodasevich in the latter's archive (*TSGALI* f. 537, op. 1, ed. khr. 75, ll. 1&2), Remizov had served as intermediary between Khodasevich and Nikolai Gumilyov. He sent him Gumilyov's Tsarskoe Selo address

and urged him to send his work for Gumilyov's forthcoming journal of poetry *Ostrov*. I have not found the present entry in any published sources.

14. The unpublished correspondence between Remizov and Mikhail Kuzmin (1875-1936) in the Saltykov-Shchedrin Library suggests a very warm, personal relationship between Kuzmin and the Remizovs based on shared literary, musical and religious interests, even as does the autograph entry.

15. This second autograph entry of Nikolai Klyuev was also written a number of years before its publication. Line 8 is recorded correctly here and not with the misprint or misreading ("A posle") of early publications. See Klyuev's *Sochineniia*, edited by Gleb Struve and Boris Filipoff, Munich, 1969, vol. 1, p. 545.

16. Ilya Erenburg (1891-1967) met the Remizovs in Berlin in 1922. He visited Remizov in the summer of 1946, and it is a touching tribute to the memory of the recently deceased Serafima Pavlovna that Remizov had Erenburg autograph her album. I have not been able to locate this entry in any published sources.

17. Zinaida Gippius (1869-1945) never published her autograph entry. Serafima Pavlovna had been close to Gippius and had participated in the religious activities of Gippius and her husband Dmitry Merezhkovsky (1865-1941). Remizov was to claim later that they had tried to separate him from his wife (see N. Kodrianskaia, *Aleksei Remizov*, Paris, 1959, p. 319). For a translation of this poem see N. Reznikova's reminiscences in this issue.

Preface and notes by Sona Aronian